

Кросскультурные исследования

© 1998 г. В.Н. Павленко, Н.Н. Корж

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ*

Представлены основные результаты и анализ данных исследования трансформации социальной идентичности в посттоталитарном обществе. Рассмотрены системы социальной идентичности и их трансформации у разных групп населения России и Украины, идентификационные приоритеты и специфика содержательного наполнения представлений о видах социальных общностей.

Ключевые слова: социальная идентичность, кросскультурное исследование, национальная и наднациональная общности, групповое поведение, деперсонализация, гиперперсонализация.

Последнее десятилетие войдет в историю как одно из наиболее событийно насыщенных, резко изменившее жизнь всех граждан бывшего Советского Союза. Начало перестройки, отстранение от власти Коммунистической партии, крушение идеологии, господствовавшей в стране на протяжении 75 лет, возникновение независимых государств и начало реформ способствовали резкой трансформации общественного сознания. Ушла в прошлое стабильность существования, неизменность и однозначность оценок. Для большинства людей совершенно неожиданно, как бы в одночасье, общество, законы и условия жизни резко изменились, а для каждого человека начался процесс выработки отношений к происшедшему и происходящему, попытки самоопределения в этом изменившемся мире. На наш взгляд, одним из наиболее чувствительных и показательных индикаторов данного процесса и одновременно способом его изучения может служить исследование трансформации системы социальной идентичности.

Под социальной идентификацией, как известно, понимается процесс определения себя через членство в социальной группе. Этот феномен, начиная с Э. Фрейда (который собственно и ввел термин "идентификация"), изучают сторонники психоаналитического направления (эпигенетическая концепция развития личности Э. Эриксона [8]); приверженцы французской социально-психологической школы (в рамках теории социальных представлений С. Московичи [10]); символического интеракционизма (концепция баланса идентичности Ю. Хабермаса [9]); представители когнитивной психологии (теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера [12], самокатегоризации Дж. Тернера [6, 13]) и др. направлений. В отечественной литературе анализу основных наработанных к сегодняшнему дню теоретических представлений о социальной идентичности посвящена обзорная статья Н.В. Антоновой [1].

* Статья написана по материалам совместного международного проекта "Память, история и идентичность в бывшем Советском Союзе", финансируемого Национальным Советом по советским и восточно-европейским исследованиям США (руководитель проекта – Джеймс В. Верч).

В данном исследовании мы исходили из следующих теоретических посылок: потребность в самоуважении люди реализуют через отождествление себя с группой, которая оценивается ими позитивно. Если группа, с которой человек себя отождествлял, в силу каких-либо обстоятельств теряет в его глазах положительные характеристики, он будет стремиться либо дистанцироваться от нее физически или психологически, либо же прилагать усилия к восстановлению ее позитивного значения. Каждый из этих вариантов в конкретном обществе и в конкретной культурно-исторической ситуации будет наполняться специфическим содержанием, их соотношение также будет специфично [3, 12].

Мы предполагали, что до перестройки большинство населения Советского Союза во многом идентифицировало себя с новой исторической общностью – советским народом, определяя себя как "советских людей". Одним из следствий перестройки явилось разрушение позитивного образа Советского Союза в глазах граждан, которое и сделало возможным его распад.

Как же теперь бывшие жители Советского Союза, а ныне граждане независимых государств решают проблему социальной идентификации? С какой социальной общностью они себя идентифицируют и какие факторы влияют на это?

С целью ответа на эти вопросы предлагалось обсудить следующие проблемы:

1. О системах социальной идентичности и их трансформации у разных групп населения посттоталитарных обществ.
2. Об идентификационных приоритетах разных групп населения.
3. О специфике содержательного наполнения представлений о видах социальных общностей.

Данные проблемы были проанализированы с этнокультурной (сравнительный анализ всех подлежащих изучению феноменов у русских и украинцев) и статусно-региональной (исследование всех феноменов у русских России – в городе и селе – и русских диаспоры – в Украине) точек зрения.

В современной литературе, как правило, различается идентификация с региональными, национальными и наднациональными общностями [7]; в данном исследовании региональная идентификация не изучалась, хотя и учитывалась. Предметом изучения стала идентификация граждан России и Украины с пятью наиболее крупными социальными общностями: "новой исторической общностью – советским народом", этнической, гражданской, континентальной и планетарной – в их динамике с 1985 по 1997 год.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие в общей сложности 260 человек: 110 опрошенных – граждане России (из них 70 человек – жители Москвы и 40 – жители сельской местности Тверской области) и 150 респондентов – граждане восточной Украины (из них 90 человек – украинцы, 60 – русские, проживающие в Украине)¹. Средний возраст принявших участие в исследовании – 40 лет (в диапазоне от 18 до 75). Все исследуемые выборки подбирались как сопоставимые по основным социально-демографическим характеристикам.

Говоря о респондентах и употребляя термины "русские" и "украинцы", еще раз подчеркнем неполную репрезентативность наших выборок для столь многообъемлющих и ко многому обязывающих понятий. Известно, что Украина была и остается государством, в котором выделяется ряд регионов со специфическими чертами культуры, менталитета, исторического развития, своеобразием политических взглядов, социально-экономической ситуации, что безусловно влияет и на формирование систем социальной идентичности.

Восточная часть Украины – регион, характеризующийся комплексом особенностей, которые необходимо иметь ввиду для понимания полученных результатов. Это регион, граничащий с Россией; здесь издавна в мире и согласии проживают украинцы и русские,

¹ Исследование проведено в Харьковской области.

процент русского населения очень высок. Языком обыденного общения является русский. И русские, и украинцы на референдуме 1991 года подтвердили свое желание видеть Украину самостоятельным государством. Но в настоящее время восток Украины встретился с проблемами, которые в этом регионе воспринимаются болезненнее, чем в других.

Первая проблема связана с тяжестью социально-экономической ситуации. Восток Украины – наиболее развитый в промышленном отношении – был ранее тесно вплетен в экономический организм Советского Союза. Разрыв существовавших прежде отношений, потеря энергетических и сырьевых источников, равно как и сбой в экономической политике вызвали небывалый спад производства и резкое ухудшение условий жизни населения, что не может не находить своего отражения в общественном сознании.

Вторая проблема связана с развернувшейся политикой украинизации, в частности, с приданием украинскому языку статуса государственного и постепенным вводом его во многие сферы жизнедеятельности. Для многих не только русских, но и украинцев данного региона, освоение языка и необходимость реального его использования является проблемой, что также отражается на формировании социальной идентификации.

Для реализации поставленных задач был использован ряд методических приемов (в статье обсуждаются результаты применения трех из них). Респондентам предлагалось:

1. Оценить по 10-ти балльной шкале (0 – минимум; 10 – максимум) степень ощущения себя в 1985, 1991 и 1997 годах: "советским человеком", "представителем собственной национальности" (украинцем или русским), "гражданином своей страны" (России или Украины), "европейцем", "человеком мира"; требовалось также пояснить экспериментатору оценки и их динамику.

2. Оценить с помощью аналогичной 10-ти балльной шкалы все 5 видов социальных общностей с той точки зрения, в какой степени им хотелось бы ощущать себя представителем каждой из них; опрашиваемые поясняли также и эти оценки.

3. Содержательно описать каждую из 5 социальных общностей, отметив, что, по их мнению, является общим для всех представителей каждой общности (тем самым выявлялись обыденные представления об объединяющих критериях), а что эту общность отличает от иных (тем самым выявлялись обыденные представления о дифференцирующих критериях).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первое, что следует отметить – пестрота оценок и пояснений при описании динамики собственной идентификации по большинству позиций. Разброс весьма велик, а оценки и пояснения часто настолько несовместимы или даже противоречивы, что анализируемый материал убеждает: происходит именно трансформация общественного сознания, когда на большинство вопросов еще нет готовых, осознанных, устойчивых личностных или социально одобряемых ответов, мнений и нормативов. Последнее стало явным в процессе статистической обработки результатов первого задания по выявлению динамики системы социальной идентичности (табл. 1).

При анализе данной таблицы обращает на себя внимание то, что в 1985 году советская идентификация превалировала и у русских, и у украинцев, однако степень этого превалирования была различной: если у восточных украинцев данный вид идентичности шел с большим отрывом от иных ее видов, то у русских фактически были очень близки между собой и советская, и этническая, и гражданская идентичности. В данных группах отличалась и степень этнической идентификации: у русских она была статистически значимо более сильной, чем у восточных украинцев. Европейская и общечеловеческая идентичности принципиально не отличались – последующая трансформация систем социальной идентификации носила в целом очень похожий характер: обе этнические группы пережили процесс десоветизации, с течением времени все более ослабляя отождествление себя с "новой исторической общностью". Наличие серьезных социально-экономических проблем и снижение уровня жизни населения отразилось на системе социальной идентичности русских и украинцев в виде обоюдного постепенного ослабления идентификации с государством. И русские,

Усредненные значения показателей разных видов социальной идентичности у русских и украинских респондентов

Респонденты Идентичность	Русские			Украинцы		
	1985	1991	1997	1985	1991	1997
Советская	7,78	4,32	2,08	8,69	4,54	2,36
Этническая	7,23	7,30	7,18	5,35	6,34	5,42
Гражданская	7,66	6,84	6,09	6,76	6,03	5,36
Европейская	3,25	3,64	4,33	3,14	3,66	4,22
Планетарная	4,30	4,51	4,94	4,91	4,85	5,08

и украинцы отмечали усиление роли европейской идентификации на фоне менее выраженного, но идущего в том же направлении возрастания значимости ощущения собственной принадлежности к человечеству.

Несмотря на близость основных тенденций, в динамике идентификации русских и украинцев можно выявить и своеобразные черты. Судя по приведенным результатам, они прежде всего касаются этнической идентификации: у русских ее динамика практически отсутствует, в то время как у украинцев она выражена достаточно четко. Сначала наблюдается подъем этнического самосознания, датируемый 1991 годом – годом провозглашения независимости Украины. Надежды, которые этот период породил у большинства украинцев, проявляются в таблице в статистически значимом возрастании показателя этнической идентификации. Последующее разочарование и углубление кризиса в Украине, в свою очередь, привели к спаду значений данного показателя и возврату их к исходным.

Сопоставление современных систем социальной идентичности русских и украинцев показывает, что наибольшие отличия касаются опять-таки этнической идентификации, которая и сегодня у русских значимо сильнее, чем у восточных украинцев. Определенные тенденции (но не достигающие статуса статистически значимых) отмечаются в отношении гражданской идентификации – у русских ее показатели несколько выше.

Анализ полученных результатов позволил выявить ряд существенных отличий не только между украинцами и русскими как целостной группой, но и внутри группы русских респондентов – между русскими, проживающими в Москве, в сельских районах, и в восточной Украине. (Данные представлены в табл. 2.)

Из таблицы можно сделать несколько выводов:

1. Согласно ретроспективной оценке наших респондентов, доминирующие виды идентичности в 1985 году у русских Москвы, сельских районов и русских, проживающих в Украине, существенно отличались: четко выраженный приоритет москвичей был отдан гражданской идентификации (различия с другими видами идентичности статистически значимы); у русских, проживающих в Тверской области, ведущие позиции делили между собой этническая и гражданская идентичности; у русских Украины доминирующей была советская идентификация (различия с другими видами идентичности также статистически значимы).

2. Дальнейшая трансформация системы социальной идентификации в исследуемых трех группах имела как общие, так и различные черты. Общей была выраженная десоветизация всех групп респондентов, однако и ее интенсивность была различной – она сильно затронула русских в Украине (прежде всего ввиду ее первоначально большей значимости для последних), несколько меньше – москвичей (они изначально менее других идентифицировали себя с "советским народом"), и наименее – русских в сельских областях России (для которых и сейчас данная идентификация относительно более значима).

Усредненное значение показателей разных видов социальной идентичности в трех подгруппах русских респондентов

Респонденты Идентичность	Русские (Москва)			Русские (сельская местность)			Русские (Украина)		
	1985	1991	1997	1985	1991	1997	1985	1991	1997
Советская	6,69	3,30	1,64	7,82	5,91	3,27	9,12	4,88	2,08
Этническая	6,79	7,25	7,43	8,71	8,19	8,10	7,14	6,98	6,47
Гражданская	7,92	7,50	7,15	8,73	7,86	6,14	6,86	5,55	4,76
Европейская	3,30	4,08	5,38	3,86	3,91	2,95	2,92	2,98	3,63
Общечеловеческая	3,72	4,03	5,15	4,68	4,27	4,00	4,98	5,35	5,22

Основные различия заключались в следующем:

– у москвичей в последующее десятилетие наблюдался рост этнического самосознания на фоне некоторого ослабления гражданской идентификации; данная тенденция носила устойчивый характер, но о статистически значимом преобладании первой говорить нельзя. Европейская и общечеловеческая идентичности на протяжении анализируемого периода постоянно усиливались;

– у русских, проживающих в сельских районах Тверской области, в отличие от москвичей отмечается некоторое ослабление этнической идентификации на фоне выраженной потери престижа гражданской. Последнее приводит к тому, что этническая идентификация, несмотря на ее абсолютное ослабление, выходит на лидирующие позиции. В отличие от москвичей, наблюдается также тенденция к ослаблению европейской и общепланетарной идентификаций;

– у русских, проживающих в Украине, динамика ведущих идентичностей – этнической и гражданской – аналогична той, которая присуща русским в сельских районах России, в то время как динамика европейской и общепланетарной идентичностей занимает как бы промежуточное положение (последние не так резко возрастают и усиливаются, как это наблюдается у москвичей, но и не ослабевают, как это происходит у русских в сельских регионах России).

Результаты второго задания представлены в табл. 3. Они демонстрируют усредненные результаты ответов представителей украинской и русской выборок на вопрос о том, насколько им хотелось бы ощущать себя членами каждой из пяти изучаемых видов общностей.

Согласно приведенным в табл. данным, в идентификационных стремлениях разных групп респондентов отмечаются как общие, так и отличительные черты. Если сравнивать русских и украинских респондентов в целом, то обращают на себя внимание следующие моменты:

– для тех и других наиболее значимыми являются гражданская и этническая идентификации. В обеих группах значения гражданской идентификации являются преобладающими, хотя ни у русских, ни у украинцев они статистически значимо не отличаются от показателей этнической идентификации. У восточных украинцев разрыв между данными двумя идентичностями выражен несколько сильнее: по сравнению с русскими у них наблюдается тенденция к усилению значимости гражданской идентификации на фоне более спокойного отношения к этничности. Существенно не отличаются в обеих группах и стремления к общечеловеческой идентичности; вместе с тем у русских и украинцев наблюдаются определенные различия в отношении советской и европейской идентификаций: у вторых более выражены ностальгические настроения относительно советской идентичности и сильнее выражено желание ощущать себя европейцами (оба отличия статистически значимы).

Проанализируем теперь особенности идентификационных стремлений у русских, проживающих в России (в Москве и Тверской области) и в Украине:

Идентификационные стремления украинских и русских респондентов (в целом и в каждой из трех подгрупп)

Респонденты Идентичность	Украинцы	Русские	Р(М)	Р(С)	Р(У)
Советская	3,66	2,74	1,85	2,85	3,65
Этническая	8,28	8,36	8,19	9,50	8,06
Гражданская	8,55	8,43	8,68	9,80	7,61
Европейская	7,43	6,78	6,83	6,55	6,84
Планетарная	7,49	7,32	7,44	6,47	7,51

Таблица 4

Соотношение русских и украинских респондентов с разными видами доминирования в системах социальных идентичностей (в %)

Виды доминирования	1985		1991		1997		Идентиф. стрем.	
	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
Советская	65	81	22	29	7	15	16	32
Этническая	55	32	58	41	57	35	76	68
Гражданская	60	52	52	35	36	32	79	79
Европейская	13	21	14	21	14	21	44	63
Планетарная	27	33	24	37	24	37	53	65
Отсутствует	2	1	10	11	16	13	3	3

– советская идентификация, несмотря на ее незначительную привлекательность для всех групп, сохраняет наибольший интерес для русских, проживающих в Украине;

– этническая и гражданская идентификации являются ведущими для всех трех групп опрошенных. При том, что статистически значимых различий по критерию Стьюдента между данными двумя видами идентичностей не наблюдается ни у одной из групп, у россиян (как города, так и села) отмечается тенденция к преобладанию гражданской идентичности, а у русских в Украине – этнической;

– европейская и общечеловеческая идентичности кажутся несколько более привлекательными москвичам и русским Украины, нежели россиянам в сельской местности.

Дополнительным видом исследования явился анализ материала, который позволил получить более полную общую картину доминирующей идентичности для каждого респондента в тот или иной период времени или в идеале. (Доминирующий числовой показатель идентичности должен превышать показатели других видов идентичности и к тому же средний уровень: в нашем случае – 5 баллов).

Результаты показали, что одни респонденты демонстрируют доминирование единственного вида идентичности, другие – нескольких, а некоторые – отсутствие доминирования вообще. Можно предположить, что именно последний вариант свидетельствует о неблагоприятном состоянии в сфере социальной идентификации, отражает то, что принято именовать кризисом социальной идентичности [8]. Данные о том, какой процент украинских и русских респондентов продемонстрировал тот или иной вид доминирования, представлены в табл. 4.

Следовательно, доминирующим видом социальной идентичности в 1985 году была советская идентичность (ее ведущее положение выявлено у 81% украинцев и 65% русских). В этот период доминирование этнической идентификации у русских на-

блюдалось значительно чаще (у 55% респондентов и у 32% украинцев). Русские респонденты были склонны также несколько чаще отдавать доминирующие позиции гражданской идентичности (60%), чем украинцы (52%), в то время как в отношении европейской и планетарной идентичностей наблюдалась обратная тенденция (их доминирование отметили соответственно 21% и 33% украинцев и 13% и 27% русских). Важно отметить тот факт, что отсутствие ведущей идентичности (в нашем понимании – кризиса социальной идентичности) по крайней мере в ретроспективном видении наших респондентов ни в одной из групп практически не наблюдалось.

1991 год резко изменил ситуацию в системе социальных идентичностей: советская идентификация утратила свои ведущие позиции в обеих группах, доминирующей стала этническая (на что указали 58% русских и 41% украинских опрошенных). Интересно отметить, что у украинцев лидирующие позиции этнической идентичности были связаны с укреплением ее позиций (это отразилось в увеличении в 1991 году по сравнению с 1985 числа респондентов, называющих ее ведущей: 32% – 41%), в то время как у русских респондентов усиление этнической идентификации было выражено слабее (с 55% в 1986 году до 58% в 1991). Характерным для 1991 года стал также кризис гражданской идентичности, что проявилось в резком уменьшении числа опрошенных, назвавших ее в числе ведущих. Еще одной исключительно важной характеристикой данного периода (новой по сравнению с 1985 годом) стало появление достаточно большого числа лиц (10% – 11%), которые не отождествляли себя ни с одной из изучаемых общностей, демонстрируя тем самым наличие кризисных симптомов.

Советская идентичность продолжала сдавать свои позиции и в 1997 году. Она сохраняла свой приоритет только у относительно небольшого процента населения (15% украинцев и 7% русских). Ведущие позиции у русских продолжают сохранять этническая идентификация, при том, что ее временная динамика остается незначительной. Для современного состояния системы социальной идентичности украинцев характерна ее неоднозначность – ни один из видов идентификации не получил сколько-нибудь выраженного преимущества (числовые значения не доходят даже до 40% отметки). Наибольшее число украинцев (37%) продемонстрировали доминирование планетарной идентификации. В обеих группах продолжается уменьшение числа лиц, идентифицирующих себя с государством. Об усилении кризиса социальной идентичности свидетельствует и продолжающийся рост лиц, не идентифицирующих себя ни с одной из изучаемых социальных общностей (16% русских респондентов и 13% украинцев).

Последняя колонка таблицы демонстрирует представления о желаемой доминанте в системах социальной идентичности у русских и украинских респондентов. Как следует из представленных данных, в обеих выборках большинство респондентов (более трех четвертей – 79%) хочет идентифицировать себя в первую очередь со своим государством. Выборки отличаются отношением к советской идентичности – у украинцев ностальгические настроения в этом плане выражены сильнее (32% украинцев и 16% русских не возражали бы не только против ее возврата, но и против ее доминирования). Среди русских респондентов больше число тех, кто стремится к ведущей роли этнической идентичности (76% в отличие от восточных украинцев, среди которых лишь 68% считают этничность значимой). Противоположная картина наблюдается в отношении общечеловеческой и, особенно, европейской идентичности, по которой различия между выборками наиболее велики (63% украинцев и только 44% русских предпочли бы доминирование именно европейской идентичности). Незначительное число лиц в обеих выборках (по 3%) не хотело бы отождествлять себя ни с одной из изучаемых социальных общностей.

Более детальный анализ русской выборки позволил получить ведущие идентичности и их особенности в подгруппе русских, проживающих в Москве, Тверской области и в Украине. Их данные представлены в табл. 5.

Доминирующими в 1985 году у разных групп респондентов были разные виды социальной идентичности: у русских Москвы – гражданская (ее ведущее положение

Процентное соотношение русских респондентов Москвы (М), сельского района (с) и Украины (У) с разными видами доминирования в системах социальных идентичностей

Виды доминирования	1985			1991			1997			Идентиф. стрем.		
	(М)	(с)	У)	(М)	(с)	У)	(М)	(с)	У)	(М)	(с)	У)
Советская	54	59	82	11	32	22	5	9	8	8	15	24
Этническая	46	67	51	54	71	49	54	71	45	65	95	67
Гражданская	66	59	55	58	68	31	54	27	27	77	95	67
Европейская	10	14	16	13	14	16	25	1	18	43	30	59
Планетарная	21	19	41	18	14	39	21	10	41	55	37	67
Отсутствует	6	0	0	10	7	12	6	19	22	3	0	6

выявлено у 66% опрошенных), у русских Тверской области – этническая (67% респондентов), у русских Украины – советская (82%). Наибольший процент лиц, у которых в 1985 году доминировала европейская (16%) и планетарная (41%) идентификации, зафиксирован среди русских Украины. Кризис социальной идентичности отсутствовал у россиян села и русских Украины, но отмечался у 6% москвичей.

В 1991 году система социальных идентичностей резко изменилась: советская идентификация утратила свои ведущие позиции у всех групп респондентов, однако некоторое количество ее сторонников – наибольшее у россиян села (32%), наименьшее у москвичей (11%) – по-прежнему отдавали ей приоритет. У москвичей рост этнического самосознания и ослабление престижа государства привели к тому, что количество сторонников этнической и гражданской идентификаций начало сближаться (54% и 58%). В российском селе, наоборот, 1991 год связан с более выраженным ростом числа приверженцев гражданской идентификации, чем этнической. Итог такой же, как и у москвичей: сокращение разрыва между числом сторонников этнической и гражданской идентичностей (71%–68%). У русского населения Украины в 1991 году наблюдается некоторое ослабление этнической идентификации и резкий спад гражданской. В отличие от двух других групп, это приводит не к сокращению, а к увеличению разрыва между количеством сторонников этнической (49%) и гражданской (31%) идентификаций; первые начинают явно лидировать. Количество сторонников европейской идентичности в русском селе и в Украине остается неизменным, а среди москвичей начинает несколько возрастать. Количество опрошенных с доминированием общечеловеческой идентификации наиболее сильно изменяется (сокращается) у русских села. Во всех трех группах отмечается рост лиц, которые не идентифицируют себя ни с одной из изучаемых социальных общностей; наибольшее их количество наблюдается среди русской диаспоры Украины (12%), наименьшее – у русских села (7%).

1997 год сопровождался дальнейшим ослаблением советской идентификации у респондентов русской национальности всех трех групп. Этническая идентификация оставалась стабильной у россиян, однако в Украине число ее приверженцев несколько сократилось (с 49% до 45%). Престиж гражданской идентификации продолжал падать у всех трех групп, но особенно выражено у жителей села (с 68% ее сторонников в 1991 году до 27% в 1997). В результате этого процесса у русских, проживающих в сельской местности и в Украине, число ее сторонников уменьшилось более чем вдвое и в настоящее время резко контрастирует с положением в Москве (27% в селе и в Украине, 54% в Москве). В связи с вышесказанным, для большинства жителей села и русских Украины доминирующей сейчас остается этническая идентичность, а в Москве она делит ведущую позицию с гражданской. Число сторонников европейской идентичности продолжает возрастать в Москве (с 13% до 25%), практически остается неизменным в Украине и падает в российской глубинке (с 14% до 1%). Планетарная идентификация незначительно возрастает в Москве и Украине и сокращается у русских села. Число лиц, которые не идентифицируют себя ни с одной со-

циальной общностью, значительно возрастает в селе (до 19%) и Украине (до 22%), но сокращается в Москве (до 6%).

Если говорить в целом об идентификационных стремлениях русских респондентов, то наиболее выражены они в селе (95% опрошенных там хотели бы идентифицироваться со своей этнической группой и государством; и не нашлось ни одного респондента, который бы не хотел идентифицироваться вообще ни с одной социальной общностью). Преобладающее число москвичей (71%) хотели бы идентифицироваться с государством; в селе, как уже отмечалось, затрудняются в выборе доминанты – там позиции гражданской и этнической идентификации равны и очень устойчивы; что же касается русских Украины, то их идентификационные предпочтения колеблются между тремя возможностями – этнической, гражданской и планетарной, набирая равное число сторонников (по 67%). Значительно отличаются предпочтения изучаемых трех подгрупп в отношении европейской и планетарной идентичностей: в обоих случаях наибольшее количество приверженцев они имеют в Украине (соответственно 59% и 67%), значительно меньшее в Москве (43% и 55%), и наименьшее – в селе (30% и 37%). В Украине отмечается также наибольший процент лиц, которые в принципе не хотят идентифицировать себя ни с одной социальной общностью (6), при том, что в Москве он равен 3, а в сельских районах – 0.

Представления о разных видах социальной идентичности у русских и украинских респондентов достаточно близки. Контент-анализ полученного материала продемонстрировал, что объединяющие и дифференцирующие критерии каждого из изучаемых видов общностей в сознании опрошиваемых часто совпадают или, по крайней мере, пересекаются, поэтому при анализе мы будем рассматривать их совместно.

Новая историческая общность – советский народ. С точки зрения респондентов, главным объединяющим началом для всех советских людей являлась коммунистическая идеология и мораль, наличие единой руководящей партии, вера в светлое будущее, интернационализм и т.д. – т.е. основной акцент был на идеологических аспектах идентификации.

Отличие между разными подгруппами заключается в данном случае только в отношении позитивных и негативных критериев, упоминаемых респондентами. Так, наибольшее положительное сальдо наблюдается у русских Украины, для которых признаками, объединяющими всех советских людей, является любовь к Родине, патриотизм, гордость за свою страну и т.п. Отрицательное сальдо в данном случае наблюдается у москвичей, для которых советская общность ассоциируется с тоталитаризмом, искалеченной психологией, разнообразными отрицательными чувствами и эмоциями.

Этническая общность. Содержательно этническая общность описывалась опрошиваемыми через особенности культуры (наиболее часто среди них упоминался язык); черты характера, традиции, обычаи, взгляды, менталитет, общее историческое прошлое, т.е. большинство респондентов акцентировали историко-психолого-культурные аспекты идентификации.

Подгруппы отличались степенью критичности в отношении представителей собственной национальности, и в этом смысле наибольший перевес позитивных ассоциаций демонстрировали русские в селе. Наиболее критичными были москвичи, и хотя в целом баланс положительных и отрицательных характеристик у них оставался позитивным, это отличало их от других групп.

Гражданская общность трактовалась респондентами наиболее неоднозначно. В обеих группах россиян наиболее часто встречающимися объединяющими критериями выступали понятия Родины и патриотизма. У украинцев гражданская общность ассоциировалась прежде всего со сложностями социально-экономической ситуации в обществе, низким уровнем жизни и тем терпением и умением выживать, которые необходимо проявлять гражданам в нынешних условиях. Для русских Украины преобладающим признаком был чисто территориальный.

Кроме отмеченных критериев, которые в разной очередности фигурировали на

первых трех позициях во всех подгруппах, еще один блок ответов акцентировал внимание на некоторых атрибутах государственности (паспорт, президент, валюта и т.п.). В этом плане необходимо подчеркнуть: типичные ассоциации, связанные с разнообразными гражданскими институтами, законодательно-правовой базой и т.п., присутствующими западной модели нации (по Э. Смиты [11]), у наших респондентов пока очень немногочисленны.

Европейская общность ассоциируется у респондентов с особым – европейским – видом культуры и ее высоким уровнем. Второй крупный блок составляют ассоциации, увязывающие данную общность с местом проживания, Европой как континентом. В следующем блоке ответов подчеркивается наличие развитой экономики и высокий уровень жизни населения. Выделяется также блок ответов, акцентирующих внимание на своеобразии психологических характеристик европейцев (либо обобщенные формулировки – поведение, менталитет, либо конкретные черты – индивидуализм, рационализм, практицизм и т.д.).

В представлениях опрашиваемых, европейцев объединяет также стремление к единению, миру, безопасности, тесным связям во всех сферах жизни и наличие развитой правовой, законодательной базы. Значительно реже в качестве объединяющих критериев выступало указание на религиозную общность (христианство) и еще реже – на расовую принадлежность. Принципиальных отличий между подгруппами не выявлено.

Человечество. Анализ ответов показал, респонденты считают, что людей во всем мире объединяют прежде всего общечеловеческие ценности и проблемы (борьба за мир, экологию, необходимость сотрудничества и т.п.), планета обитания (Земля) и, наконец, то, что все мы – люди.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

Попытаемся обобщить полученные результаты и определить основные тенденции в сфере социальной идентификации последнего десятилетия по предварительным данным.

1. В 1986 году одной из ведущих идентификаций для преобладающего большинства населения России и Украины была советская идентификация, подкрепленная чувством гордости за советский народ и державу в целом. У восточных украинцев ее доминирование было сильнее за счет того, что другие ведущие социальные идентификации – этническая и гражданская – отступали на второй план: первая в силу меньшей развитости этнического самосознания на востоке Украины по сравнению с другими ее регионами [4], вторая – в результате того, что Украина как республика бывшего Советского Союза не была самостоятельным государством; большинство восточных украинцев считало себя не столько гражданами Украины, сколько гражданами СССР.

Очень трудно создать целостный образ русской выборки 1985 года, поскольку, как было показано, системы социальной идентичности того периода существенно различаются. В целом, советская идентификация была выражена слабее, чем у украинцев, но часто проявлялась в специфической форме слияния основных форм идентификаций: этнической, гражданской и советской. Ранее в литературе уже отмечалось, что многие русские до перестройки определяли свою этническую принадлежность не через традиционную этнографическую группу, а через соотнесение себя с СССР [5]. Более того, для многих Советский Союз как государство ассоциировался прежде всего с Россией. Очевидно, все это и обуславливало более тесное переплетение основных видов идентичности у русских.

В пределах русской выборки наибольшее значение советская идентификация в 1985 году имела для русских Украины. Очевидно, последнее можно объяснить тем, что советская идентичность у русских вне России позволяла уйти от ощущения себя представителем национального меньшинства (как это было бы при приоритете этнической идентификации); проживание вне России и отсутствие государственной само-

стоятельности Украины мешало акцентированию гражданской идентичности. Приоритет советской идентификации снимал все эти проблемы, максимально повышал статус русских Украины, способствуя наиболее позитивному их самоопределению.

Согласно ретроспективной оценке в обеих группах россиян, советская идентичность даже в 1985 году уходила у них на второй план, уступая в Москве приоритету гражданской идентификации, а в сельской местности – этнической. Отмеченные отличия в подгруппах хорошо согласуются с особенностями содержательного наполнения ими понятия "советская общность": таковая выступает прежде всего как идеологическая общность, ее эмоционально-ценностная окраска в разных группах отличается (наибольшее положительное сальдо ее позитивных и негативных определений наблюдается у русских Украины, а наиболее отрицательное – у москвичей).

С началом перестройки советская идентичность начала терять свою ведущую роль и к настоящему времени большинством населения утрачена. Однако у определенного процента населения (от 5% в Москве и до 15% у восточных украинцев) она и сегодня продолжает доминировать. Проведенный корреляционный анализ показал, что этому способствует возрастной фактор (чем старше человек, тем больше вероятность такого варианта) и половой (у женщин, вероятно, в силу большей социальной защищенности советская идентификация сохраняется дольше). Определенная часть опрошенных, в меньшей степени в России (особенно, в Москве – всего 8%), в большей степени в Украине (у 24% русских и 32% представителей титульной национальности) хотели бы иметь советскую идентичность. Эти данные позволяют предположить, что фактором, способствующим сохранению ностальгических настроений по Советскому Союзу, является переживание тяжести современной социально-экономической ситуации, более выраженной в Украине.

II. Система социальной идентичности русских и украинцев находится в процессе глубокой перестройки. Одним из проявившихся и ранее практически не характерных для нее феноменов является кризис социальной идентификации. В доперестроечный период он фиксировался преимущественно у москвичей; последнее связывалось с тем, что именно в столице было наибольшее количество лиц, осознававших недостатки советской общности и поэтому психологически дистанцировавшихся от нее.

В течение исследуемого десятилетия данный феномен приобретал все более зримые и угрожающие формы, проявление которых у русских и украинцев несколько различалось. У украинцев наиболее яркими его индикаторами являлось то, что ни один вид социальной идентичности не занял на сегодняшний день выразительно лидирующих позиций; наблюдается тенденция к относительному преобладанию не традиционных – гражданской или этнической, – а планетарной идентификации; относительно велик процент жителей, не возражающих против возврата уже изжившей себя советской идентичности. Ярким проявлением кризиса социальной идентичности у русских является высокий процент лиц, не отождествляющих себя ни с одной из изучаемых социальных общностей: в наименьшей степени им страдают москвичи (процент таких лиц по сравнению с 1986 годом остался прежним – 6), гораздо сильнее он выражен в русском селе (19%) и в наибольшей степени – у русских Украины (22%).

В этой связи интересно соотнести полученные данные с теорией самокатегоризации Дж. Тэрнера [6, 13]. Согласно этой теории, высокий уровень социальной идентичности ведет к деперсонализации восприятия. Для Тэрнера, которому было важно доказать и обосновать реальность группы, и который видел в деперсонализации механизм возникновения группового поведения, значителен именно этот акцент. Однако полученные в нашем исследовании результаты демонстрируют противоположное: они свидетельствуют о снижении уровня социальной идентичности в обществе. Следовательно, мы можем предполагать, что такое снижение будет сопровождаться гиперперсонализацией. Поскольку, по Тэрнеру, социальный и личностный уровни самокатегоризации антагонистичны, можно полагать, что гиперперсонализация будет идти рука об руку с десоциализацией, или – если вернуться к предложенному Тэддфелом межличностному-межгрупповому континууму [12] – возможно говорить о том, что поведение людей в

обществе будет в настоящее время определяться не межгрупповыми особенностями, а личностными, индивидуальными характеристиками. Может быть, этой десоциализацией, с одной стороны, и гиперперсонализацией – с другой, объясняются многие социальные явления общества переходного типа, и, в частности, одно из самых ярких, констатируемых многими исследователями, – нетерпимость, которая в переходном обществе носит не частичный, а всеохватывающий характер, затрагивая каждого человека и не оставляя ему спокойной ниши [2, с. 41].

III. В процессе трансформации системы социальной идентичности можно выявить как общие для всех исследуемых групп закономерности, так и специфические черты. К первым относится десоветизация преобладающего большинства населения бывшего Советского Союза и ослабление гражданской идентификации. Можно предполагать, что десоветизация обусловлена распадом Советского Союза и развенчанием коммунистических идеалов, составляющих стержень советской общности, а разотождествление с государством обусловлено потерей его престижа в глазах граждан России и Украины из-за невыполнения им традиционных и обычных для доперестроечного периода функций (социальная защита населения, своевременные выплаты зарплат и пенсий, поддержание правопорядка и т.п.).

К специфическим чертам трансформации социальной идентичности у русских и украинцев можно отнести следующие:

– в отличие от русских система социальной идентичности украинцев менее однозначна (ни один вид идентификации не становится явно доминирующим в обществе), причем в течение исследуемого периода ее неоднозначность все более усиливается. Мы предполагаем, что подобная картина отражает большую потерю ориентиров на востоке Украины, ввиду чего члены общества как будто не могут решить, с какой социальной общностью им стоит идентифицироваться;

– у украинцев выявлена особая динамика этнической идентичности, которая не характерна для русских. Она заключается в том, что у первых в 1991 году отмечается усиление этнической идентичности с последующим его ослаблением к 1997 году. Судя по пояснениям респондентов, эти изменения обусловлены всплеском этнического самосознания в период провозглашения независимости Украины и надеждами, возлагаемыми на это. Последующее разочарование в улучшении уровня жизни и не всегда продуманная политика украинизации, неоднозначно воспринимаемая на востоке страны, вызвали ослабление этнической идентификации;

– доминирование европейской и общечеловеческой идентичности отмечалось на протяжении десятилетнего периода у большого процента украинцев, что, возможно, обусловлено их большей и территориальной и культурально-психологической близостью европейскому сообществу.

Различия в динамике систем социальной идентичности у трех подгрупп представительниц русской национальности можно свести к следующим:

– этническая идентификация и с точки зрения ее выраженности, и с учетом количества респондентов, считающих ее доминирующей, у москвичей возрастает; у жителей сельских районов (при относительно более высоких всех показателях) остается противоречивой (выраженность падает, а число опрошенных, выбирающих ее в качестве доминанты – возрастает); у русского населения Украины – по обоим показателям снижается. Последнее, очевидно, можно объяснить действием процессов естественной (в результате обыденного приобщения к ценностям культуры титульной нации) и искусственной (в результате политики украинизации) аккультурации;

– европейская идентификация по обоим показателям выражено усиливается у москвичей, ослабевает – у жителей села, и незначительно возрастает у русских Украины. Можно предполагать, что данная тенденция у москвичей связана с возросшими возможностями реальных контактов с европейцами и возникновением более тесного взаимодействия на разных уровнях (информационном, товарном и пр.). Ослабление европейской идентификации в селе, в свою очередь, может быть связано с двумя причинами – с неизмеримо меньшими по сравнению с москвичами реальными

возможностями для контактов с европейцами и с проецированием причин существующих социально-экономических сложностей на прозападную ориентацию во многих сферах жизни. В селе, где связь с собственными этническими корнями выражена сильнее (отсюда и более сильная этническая идентификация), не может не возникать осознанного или неосознанного противодействия часто чуждым, мало понятным и слабо вписывающимся в привычную реальность западным нормам и образцам.

IV. Идентификационные стремления также характеризуются как общими для всех изучаемых групп, так и специфичными чертами.

Необходимо отметить тот факт, что для преобладающего большинства испытуемых всех групп (за единичными исключениями) социальная идентификация очень значима и они хотели бы отождествлять себя с той или иной социальной общностью; более того, по сравнению с текущим периодом хотели бы усилить ее степень.

Другим общим моментом является наименьшая приоритетность советской идентификации в системе социальных идентичностей, хотя как уже отмечалось, степень этих остаточных стремлений не одинакова.

И, наконец, последним общим моментом является приоритетность этнической и гражданской идентификации у всех респондентов при том, что их соотношение у разных групп может существенно отличаться.

Сравнительный анализ идентификационных стремлений у русских и украинцев показал, что кроме уже названных характеристик для обеих групп характерно превалирование гражданской идентификации, хотя ни в одной из групп она статистически значимо не отличается от этнической идентичности, занимающей почетное второе место.

Отличия между русскими и украинцами существуют в отношении к советской и европейской идентификациям: у украинцев более выражены ностальгические настроения относительно первой и сильнее выражено желание ощущать себя европейцами.

Среди русских респондентов также существуют различия в представлениях об идеальной системе социальной идентичности. Ярко выраженную потребность в отождествлении себя с социальной общностью демонстрируют представители сельских районов России (статистически значимых различий между значимостью гражданской и этнической идентификации у них нет). У москвичей преобладает тенденция к предпочтению гражданской идентичности. В сельских районах обе идентификации практически равно предпочитаемы, в то время как для русского населения Украины большей привлекательностью обладает этническая идентичность. Можно предполагать, что особенности идентификационных стремлений москвичей обусловлены, с одной стороны, менее развитым этническим сознанием по сравнению с русскими в сельских районах, а с другой – тем, что в отличие от русских в Украине они являются представителями титульной национальности.

Действительно, русские в Украине – не титульная нация. В условиях тяжелой социально-экономической ситуации здесь у многих русских и украинцев наблюдается дистанцирование от государства, причем у русских эта тенденция сильнее. По крайней мере часть русского населения задумывается о том, оставаться ей в Украине или эмигрировать в Россию. Этот шанс как раз и способствует у них, с одной стороны – акцентированию этничности, а с другой – ослаблению гражданской идентификации.

Отличаются предпочтения изучаемых трех подгрупп и в отношении европейской и планетарной идентичностей: в обоих случаях наибольшее количество их приверженцев они имеют в Украине, несколько меньшее – в Москве, и наименьшее – в селе. Предлагаемые причины этого уже обсуждались.

V. Респонденты содержательно различали виды идентичности: в советской идентичности акцент ставился на идеологических моментах; этническая воспринималась преимущественно как культуральная; представления о гражданской идентичности были наиболее разнородными: в обеих группах россиян часто встречающимися объединяющими критериями выступали понятия Родины и патриотизма. У украинцев она

ассоциировалась прежде всего со сложностями социально-экономической ситуации в обществе, низким уровнем жизни и тем терпением и умением выживать, которые необходимо проявлять гражданам в нынешних условиях. Для русских Украины преобладающим признаком был чисто территориальный. Во всех подгруппах упоминание об атрибутах государственности уходило на второй план; европейская идентичность ассоциировалась с высоким уровнем жизни, культуры, демократии, общностью Европы как континента обитания; общечеловеческая трактовалась через общность планеты обитания, единство глобальных ценностей и проблем.

Можно предполагать, что именно в силу разности смысловых акцентов в отдельных видах идентичности становится возможной их относительная независимость и непересекаемость, что проявляется в одинаковых показателях по разным видам идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. К.: Абрис, 1994.
3. Лебедева Н.М. Русская диаспора: диалог цивилизаций и кризис социальной идентичности // Психол. журнал. 1996. № 4. С. 32–42.
4. Павленко В.Н. Запад и Восток Украины в зеркале этнических стереотипов // Современное общество. 1994. № 4. С. 84–91.
5. Солдатова Г.У., Шлягина Е.И., Шайгерова Л.А. Особенности этнического самосознания у русских мигрантов / Актуальные проблемы современной психологии. Харьков. 1993. С. 112–115.
6. Тэрнер Дж.С., Оукс П.Дж., Хэслем С.А., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2. С. 8–17.
7. Barrett M. English children's acquisition of European Identity // Changing European Identities: Social-Psychological Analyses of Social Change. Oxford: 1996.
8. Ericson E.H. Identity. Youth and crisis. L. 1968.
9. Habermas J. Identitat // Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt. 1976.
10. Moscovici S. Notes towards a description of Social Representation // European Journal of Social Psychology. 1988. V. 18. P. 211–250.
11. Smith A.D. National Identity. London: 1991.
12. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago. 1986. P. 7–24.
13. Turner J.C. A self-categorization theory // Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. Oxford: 1987. P. 42–67.